

С. И. АБАКУМОВ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ «ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА»

I

«Повести Белкина» были написаны Пушкиным в сентябре — октябре 1830 г. в Болдине. Самая ранняя из этих повестей — «Станционный смотритель» была окончена 14 сентября 1830 г., самая поздняя — «Метель» — 20 октября.

«Повести Белкина» были первым законченным и еще при жизни поэта напечатанным образцом его прозы¹.

Интерес к прозе у Пушкина появился очень рано. Уже в 1823 г. он писал Вяземскому: «Твои стихи... все прелесть, да ради Христа прозу-то не забывай; ты да Карамзин одни владеете ею». В 1825 г. в заметке «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» Пушкин уже почти соглашается с мыслью Лемонте, что «наш язык не столько от своих поэтов, сколько от прозаиков должен ожидать европейской своей общезнательности», и мотивирует это тем, что «просвещение века требует пищи для размышлений, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения» (Соч., т. V, стр. 29)².

Мысль о том, что стихи должны потесниться и уступить место прозе, неоднократно по разным поводам высказывалась Пушкиным. «Нельзя же от всех читателей требовать исключительной охоты к стихам», — писал он в «Рославле».

Интерес к прозе становился в эти годы общим. В июле 1832 г. Пушкин писал М. П. Погодину: «Смирдин олуфан сам разными обязательствами, а как уш в романов и т. п. и ни к каким условиям не приступает; трагедии нынче не раскупаются, говорит он своим

¹ «Арап Петра Великого», написанный раньше «Повестей Белкина», не был закончен, и при жизни Пушкина из него были напечатаны только два небольших отрывка.

² Здесь и ниже, кроме особо оговоренных случаев, все ссылки делаются по изд. Литературного фонда, под ред. П. О. Морозова, СПб. 1887 г.

техническим языком» (Соч., т. VIII, стр. 303)¹. Ловкий предприниматель Смирдин не случайно, конечно, «накупил романов»: это соответствовало уже вполне четко наметившемуся перелому общественного вкуса. «Стихотворцы, правда, не переставали стрекотать во всех углах, но стихов, — писал в эти годы Марлинский, — никто не стал слушать, когда все стали их писать. Наконец, рассеянный ропот, слился в общий крик: «Прозы! Прозы!».

Неудивительно, что и Пушкин увлекается прозой. Еще в 1824 г., в «Евгении Онегине», Пушкин мечтал о большом романе в прозе:

.....
 Быть может, волею небес,
 Я перестану быть поэтом,
 В меня вселится новый бес,
 И, Фебовы презрев угрозы,
 Унижусь до смиренной прозы:
 Тогда роман на старый лад
 Займет веселый мой закат.
 Не муки тайные злодейства
 Я грозно в нем изображу,
 Но просто вам перескажу
 Преданья русского семейства,
 Любви пленительные сны,
 Да нравы нашей старины.
 Перескажу простые речи
 Отца или дяди старика,
 Детей условленные встречи
 У старых лип, у ручейка;
 Несчастной ревности мучения.
 Разлуку, слезы примиренья,
 Поссорю вновь, и наконец
 Я поведу их под венец.

(«Евгений Онегин», III, строфы 13, 14)

«Повести Белкина» были частичным осуществлением этой мечты. Недаром в «Метели» имеется почти текстуальное совпадение: «*Н а ш и л ю б о в н и к и б ы л и в п е р е п и с к е и в с я к и й д е н ь в и д а л и с ь н а е д и н е в с о с н о в о й р о щ е и л и у с т а р о й ч а с о в н и к е*». Это и есть *условленные встречи* с заменой лишь «старых лип» *сосновой рощей*, а ручейка — *старой часовней*. *Преданья русского семейства, нравы нашей старины, несчастной ревности мученья* — все это есть в «Повестях Белкина».

II

Интерес к прозе был для Пушкина в значительной мере интересом к я з ы к у п р о з ы. Неоднократно он отмечал необработанность языка

¹ Разрядка моя. — С. А.

прозы как деловой, так и художественной. «Русский метафизический язык, — писал он в 1825 г. П. А. Вяземскому, — находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы, т. е. языка мыслей) (Соч., т. VII, стр. 136). «Проза наша так мало обработана, — писал он в том же году в уже названной заметке «О предисловии г-на Лемонте», — что даже в простой переписке мы вынуждены создавать обороты для понятий самых обыкновенных, и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и все известны» (Соч., т. V, стр. 19).

Язык художественной прозы своего времени Пушкин упрекал еще и в другом недостатке, впрочем, органически вытекающем из его необработанности, бедности и малокультурности, — в напыщенности, манерности, отсутствии простоты и естественности. Еще в 1822 г. в черновом наброске «О слоге» Пушкин писал: «Что сказать о наших писателях, которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут: *дружба*, не прибавив: *све, священное чувство, коего благородный пламень* и пр. Должно бы сказать: *рано поутру*, а они пишут: *едва первые лучи озарили восточные края лазурного неба*. Как все это ново и свежо! Разве оно лучше потому, что длиннее? (Соч., т. V, стр. 15). Ту же мысль Пушкин повторил в 1828 г. в отрывке «В зрелой словесности»: «Мы не только еще не подумали приблизить поэтический язык к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность»¹.

По мнению Пушкина, язык прозы должен быть точным, простым и естественным. «Точность и опрятность — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей, блестящие выражения ни к чему не служат» (Соч., т. V, стр. 16). «Никогда не жертвую, — писал он в «Критических заметках», — искренностью и точностью выражения провинциальной чопорности из боязни казаться простоародным, славянофилом и т. п. (Соч., т. V, стр. 133). «Вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы», — категорически утверждал Пушкин (Соч., т. V, стр. 125). Прочитав в 1826 г. в статье П. А. Вяземского об Озере торжественно-напыщенную фразу: «Из наших драматических творений всякое более или менее ознаменовано печатью отвержения, наложенного на наш театр рукою Талии и Мельпомены», Пушкин даже позволил себе резкость. «Да говори просто: ты довольно умен для этого», — написал он на полях рукописи².

Обращение к прозе у Пушкина было, таким образом, связано с совершенно определенным заданием: создать образец простого, «опрятного», точного и ясного прозаического языка.

¹ Соч. Пушкина, изд. Академии наук, т. IX, Ленинград, 1928, стр. 46.

² Соч., изд. Брокгауз и Ефрон, т. IV, стр. 486.

III

Таким образом и явились «Повести Белкина». Простота их языка не раз отмечалась критиками и литературоведами. Уже издатель «Русского вестника» Катков, в целом относившийся к «Повестям» недоброжелательно, писал: «Язык в них гладок, чист и правилен, свободен от риторики» («Русский вестник», 1856, т. II, стр. 292). Овсянико-Куликевский

Рис. Н. Кузьмина

*Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!*

«Евгений Онегин»

хвалил «художественную определительность и точность языка» «Повестей» и «сжатость изложения, чуждого длиннот и амплификаций» («Пушкин», Спб., 1911, стр. 58).

Б. М. Эйхенбаум, говоря о прозе Пушкина и, в сущности, имея в виду прежде всего именно «Повести», отмечал в них «короткую, простую фразу, без ритмических образований, без стилических фигур» («Проблемы поэтики Пушкина» в сборн. «Дом литераторов. Пушкин. Достоевский», II, 1921, стр. 89).

«Короткая, простая фраза» — действительно одна из характерных черт языка «Повестей».

«Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце взошло, и жар уже напевал. Я увидел его издали. Он шел пашком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приближался держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отметили нам двенадцать шагов» («Выстрел»).

«Наконец, в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава богу, подумал он, теперь близко» («Метель»).

В авторской речи «Метели» 194 предложения¹. Из них простых 99, сложных — 95. Таким образом, простые предложения явно преобладают. Это — совершенно необычное явление для того времени. Даже в «Бедной Лизе», несмотря на то, что короткое предложение было одним из требований поэтики Карамзина, простых предложений только 70 из 170, т. е. 41%. В других современных «Повестях Белкина» произведений процент простых предложений еще ниже: например, в «Наездах» Марлинского (1830) — 38—39%, в «Княжне Мери» Лермонтова (1840) — 37%.

Преобладание простых предложений в «Метели» станет еще разительнее, если мы примем во внимание, что из 95 сложных предложений 24 представляют собой простейшие соединительные конструкции без союзов и разделяются точкой с запятой. По сути дела эти 24 сложных предложения составляют 54 простых предложения; при подсчете они входят в число сложных только вследствие особенностей пунктуации. В современном литературном языке в этих случаях мы имели бы, как правило, точку. Если же сосчитать все эти предложения в числе простых, то окажется, что в «Метели» из 224 предложений 153 простых, т. е. почти 70%.

На простоту, «логическую прозрачность синтаксических форм» указывает и В. В. Виноградов: по его словам, в языке Пушкина преобладают формы бессоюзного сцепления или же присоединительные конструкции с союзами *и*, *а*, *но* («Очерки по истории русск. лит. языка XVII—XIX вв.» М., 1934, стр. 184). В. В. Виноградов имеет в виду по преимуществу язык стихотворных произведений Пушкина. В стихах сложное предложение вообще встречается реже. Но, оказывается, синтаксис «Повестей Белкина» немногим сложнее синтаксиса стихотворных произведений Пушкина. Вполне понятно, что язык «Повестей Белкина» всегда производил на читателей впечатление простоты и естественности.

Такое впечатление создается и при рассмотрении порядка слов в «Повестях Белкина».

Порядок слов во многом определяет степень простоты и естественности языка: нарушения принятого в языке порядка слов обычно производятся по стилистическим соображениям и, конечно, тем самым делают язык менее простым и естественным. В «Повестях Белкина» случаев

¹ Не принимаются в расчет так называемые «вносные» предложения (т. е. вводящие прямую речь). Под предложением понимается единица высказывания, ограниченная точкой, вопросительным, восклицательным знаком или многоточием.

нарушения обычного («прямого») порядка слов очень немногo. Так, если остановиться на вопросе о месте сказуемого, то окажется, что прямой порядок (сказуемое после подлежащего) встречается в 234 случаях, тогда как обратный всего лишь в 40. Однако и эти 40 случаев далеко не всегда являются инверсией, т. е. далеко не всегда преследуют стилистические цели: как известно, сказуемое обязательно ставится перед подлежащим во вносных предложениях; кроме того, сказуемое перед подлежащим обычно в предложениях, имеющих временное значение (типа *наступила зима*); нельзя считать, наконец, инверсией предложения, которые начинаются с временных указаний: *уже более часа был он в дороге*, *часа через два должна была приехать Мария Гавриловна*. Если же отбросить все эти случаи обратного порядка слов, то окажется, что инверсивными в «Метели» можно считать лишь 20—25 предложений из 234. Это еще более подчеркивает «логическую прозрачность» языка пушкинской прозы.

Прямой порядок преобладает в «Метели» и во всех других случаях. Так, прилагательное почти всегда ставится перед существительным. Встречается, правда, несколько случаев употребления прилагательного после существительного, например: *исчезла во мле мутной и желтоватой* (М)¹; *как соты пчелиные*; *счастливица столь блистательного* (В). Но едва ли следует в этих фактах видеть инверсию со стилистическими целями, скорее это — галлицизмы, обычные в языке Пушкина.

Наречия, как правило, ставятся перед глаголами: *чрезвычайно по-вредило ему, некогда он служил в гусарах*. Однако наречия образа обычно ставятся после глагола: *где жил он вместе бедно и расточительно*; *ходил вечно пешком*; *пили по-обыкновенному*, *хозяйничать по-своему* (В); *летела стремглав*, *он поехал наудачу* (М). Нарушения такого порядка очень редки. И лишь в редких случаях они служат особым стилистическим намерениям автора: *...которые будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети, придите в наши объятия»* (М).

Причастные обороты в громаднейшем большинстве случаев стоят, как и полагается, после существительного: *вывеска, изображающая дородного амура*; *от обычая, принятого нынешними романистами* (Г). Обратный порядок встречается очень редко: *заняли им определенные углы* (Г); *на простреленную мною картину* (В). В «Гробовщике» обратный порядок слов встречается в 1 случае из 15, в «Выстреле» — в 2 случаях из 23. Сравнение числа случаев препозитивного употребления причастных оборотов в «Повестях Белкина» Пушкина и у других писателей убеждает, что устойчивое постпозитивное употребление причастных оборотов в «Повестях» является одной из особенностей их стиля, создавая наравне с другими подобными особенностями то впечатление простоты, которое характерно для «Повестей»:

¹ Буквой М в скобках в дальнейшем обозначаются цитаты из «Метели», буквой В — из «Выстрела», СС — из «Спандюнного смотрителя», Г — «Гробовщика» и ВК — из «Барышни-крестьянки».

		Всего при- лагательн. оборотов	Послпозн- тивных	Препози- тивных	% препози- тивных
Пушкин	«Выстрел», «Гробовщик» . .	38	35	3	8
Марлинский	«Наезды»	21	18	6	25
Карамзин	«Бедная Лиза»	14	12	2	14
Горький	«Мать»	18	11	2	15
Гладков	«Энергия» (гл 2 я)	26	20	6	23
Шолохов	«Поднятая целина» (гл. 1—6)	95	54	41	43

IV

«Прелесть нагой простоты, — писал Пушкин в 1828 г., — так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями; поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем» (Соч. Пушкина, изд. Академии наук, т. IX, стр. 46).

В «Повестях Белкина» Пушкин почти совершенно отказался от «условных украшений». В них редко можно найти сравнения, очень мало эпитетов и т. д. В «Выстреле», например, встречается всего лишь три сравнения: «Стены его комнаты были все источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные»; «Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола»; «Я оробел и ждал графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра», в «Метели» же — только одно: «Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгой в руках и в белом платье, *настоящую героиню романа*».

Удельный вес эпитетов в «Повестях», конечно, больше. Но и в отношении эпитетов нельзя не отметить крайней сдержанности Пушкина. Обычно эпитет в «Повестях» стоит одиноко: «*крутой нрав*»; «*злой язык*» (В), «*воля жестоких родителей*» (М). Два эпитета рядом встречаются редко: «жил вместе и бедно и *расточительно*; *странные, противоположные чувства*» (В). Три эпитета рядом совсем не встречаются (можно указать только одно исключение — «*стройную, бледную и семнадцатилетнюю* девицу» — в «Метели»). В то же время эпитет «Повестей» совершенно лишен той «прихотливости», изысканности, красивой неопределенности, которая, например, наблюдается в эпитетах Блока: наоборот, обычно он обозначает совершенно определенное впечатление: «*злая мысль*»; «*шумной и беззаботной жизни*»; «*богатое поместье*» (В), «*стройного стана*»; «*смуглой красавицы*» (БК). Такие лишенные конкретности эпитеты, как «*явился мрачным и разочарованным*»,⁴ «*об увядшей своей юности*» (БК), «*неодолимою силою страсти*»; «*два пылающие сердца*» (М), являются иронически воспроизводимыми литературными реминисценциями. Сложный эпитет, который так обычен, например, у Го-

голя, в особенности в «Вечерах»: «глаза пронзительно-ясные»; «трепетно-лиственными куполами»; «непостижимо-странный цвет»; «глухотвечную землю» и т. д. (См. И. Мандельштам — «О характере гоголевского стиля». Гельсинфорс, 1902, стр. 179—180, 384—385), — в «Повестях» отсутствует совсем.

Рис. Н. Кузьмина

*«Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?»*

«Евгений Онегин»

Лишенный «обветшалых украшений», язык «Повестей» отличается динамичностью, действенностью. Этому соответствует большой удельный вес глагола в языке «Повестей». В «Метели» из общего числа знаменательных частей речи — 28,7% составляют глаголы, прилагательных только 9,8%, наречий — 5,3%. Обычно в языке художественной прозы наблюдается несколько иное отношение между глаголами и прилагательными.

V

«Для современников Пушкин по языку своих произведений стоял в ряду других писателей нового направления, так называемых карамзинистов», — писал в 1888 г. в статье «К вопросу о значении А. С. Пушкина в истории русского литературного языка» проф. Некрасов («Журнал Министерства народного просвещения», 1888 г., сентябрь, стр. 71). В ряду последователей Карамзина видел себя и сам Пушкин. Об этом свидетельствуют его многочисленные отзывы о Карамзине. Так, в заметке 1822 г. «О слоге», на вопрос, «чья проза лучшая в нашей литературе», Пушкин дал категорический ответ: «Карамзина» (Соч., т. V, стр. 16). В «Мыслях на дороге» (1834) Пушкин подчеркнул, что «Карамзин освободил язык от чуждого ита и возвратил уму свободу, обратив его к живым источникам народного слова» (Соч., т. V, стр. 221).

Тем не менее «Повести Белкина» по своему языку, несомненно, свидетельствуют о глубоком расхождении Пушкина с основными тенденциями карамзинского направления в литературе. В свое время акад. Я. Грот заслугу Карамзина видел в том, что он «считал нужным: 1) писать недлинными, неумотительными предложениями, 2) располагать слова соответственно с течением мыслей и, таким образом, упростил русский синтаксис» («Карамзин в истории русского литературного языка». Филологические разыскания, изд. 2-е, СПб., 1876, стр. 103). В этом отношении «Повести Белкина», в которых «недлинные, неумотительные предложения» преобладают, как бы продолжают традиции Карамзина. Но Карамзин в то же время «озабочен был тем, чтобы языком своих сочинений удовлетворить образованному эстетическому чувству: он захотел придать слогу приятность или изящество (*élégance*), писать со вкусом (там же, стр. 102). Именно на этом пути Пушкин решительно разошелся с Карамзиным, и именно в «Повестях Белкина» это расхождение проявилось особенно ярко.

Дело в том, что понятие «приятности», «вкуса» предполагает решение вопроса: «приятность» для кого? «вкус» чей? Карамзин опирался на вкус светского дворянского общества. Задача заключалась в том, чтобы создать формы салонного светского «красноречия», далекого от приказных и церковных стилей, чуждого всякой «простонародности», ориентируясь на французский язык и на риторику «благородного» дворянского общества¹. По сути дела, таким образом, реформа Карамзина приводила к сужению границ литературного языка. «Все слова и фразы, которые относились к слогу «трубному, сухому и надутому», т. е. выражения «простонародные, низкие, приказные (канцелярские), специальные, профессиональные, церковно-славянские в этом салонном стиле были запрещены» (В. В. Виноградов — «Язык Пушкина», М.—Л., 1935, стр. 203).

«Один мужик, — писал 22 июня 1793 г. Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву, — говорит *ничужечка* и *парень*: первое приятно, второе отврати-

¹ См. В. В. Виноградов — Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.». М., 1934, стр. 144.

тельно. При первом слове воображаю красный летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или паночку и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: «Вот гнездо! вот пичужечка!» При втором слове является моим мыслям дебелий мужик, который чешется неблагопристойным образом и утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: «Ай, парень! Что за квас!» Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей.¹

Рис. Н. Кузьмина

*«Блестя в зорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И как огнем обожжена
Остановилась она»*

«Евгений Онегин»

За норму при решении вопроса об отборе средств выражения для этого салонного языка принимался язык светской дамы. Допускалось в него только то, что могло понравиться «даме», что было допустимо в ее присутствии и в ее устах.

¹ Цитировано по названной выше книге В. В. Виноградова — «Язык Пушкина», стр. 202).

«Кажется, чувствую как бы новую сладость жизни, говорит Изведа, — но говорят ли так молодые женщины: «как бы здесь очень противно», — рассуждает Карамзин в разборе комедии «Оптимист».

«Учинить вместо сделать нельзя сказать в разговоре, а особливо молодой девице» (там же).

«Девушка, имеющая вкус, не может ни сказать, ни написать в письме коливо, — говорит Карамзин в разборе перевода «Клариссы» Ричардсона¹.

Вся эта концепция была совершенно неприемлема для Пушкина. Он, наоборот, стремился не к сужению, а к расширению границ литературного языка. «Языку нашему надобно воли дать более», — писал он в 1830 г. М. П. Погодину. Его глубоко возмущали критики, которые находили «одно выражение *бурлацким*, другое — *мужичким*, третье — *неприемлемым для дамских ушей*» и т. д. (Соч., т. V, стр. 116). Отвергал Пушкин и служение литературы образу салонной свепской «дамы»: «Пора, пора нам осмеять *les precieuses ridicules* нашей словесности, людей, вечно толкующих о прекрасных читательницах, которых у них не было», — писал он в 1831 г. А. Ф. Воейкову (Соч., т. VII, стр. 287). «Мильтон и Данте писали не для благосклонной улыбки прекрасного пола», — утверждал Пушкин еще в 1825 г. (Соч., т. V, стр. 29). То же самое говорил он и о своей трагедии «Борис Годунов»: «Это трагедия не для прекрасного пола» (Соч., т. VII, стр. 179). Наконец, он шел дальше и подвергал сомнению вообще вкус салонных дворянских читательниц. «Природа, — писал он в 1827 г., — одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительной, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они шуют модные романы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушайтесь в их литературные суждения и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки» (Соч., т. V, стр. 53).

Место «чувствительной и нежной читательницы» в «Повестях Белкина» занял И. П. Белкин.

Вопрос о том, какова роль в «Повестях» их рассказчика, простодушного И. П. Белкина, не решен окончательно и до сих пор. Но, конечно, «Повесть Белкина» — не стилизация. Но в то же время Белкин не просто псевдоним. Белкин — рассказчик². Кроме того, в «Вздустреле» и в «Станционном смотрителе» он — одно из действующих лиц. Его судьба прямо или косвенно сплетена с судьбой его героев. Нельзя просто зачеркнуть имя Белкина и вписать вместо него имя Пушкина, ведь об истраченных семи рублях на поездку жалел все-таки не Пушкин, а Белкин.

¹ Цит. по «Филологическим размышлениям», стр. 122. Разрядка всяду моя, — С. А.

² Как указывает П. Н. Сакулин, в беллетристике 30-х годов был весьма распространен литературный прием вымышленного автора (например, Ириной Гомозейко у В. Ф. Одоевского, Барон Брамбеус у Семёновского, Рудый Панько у Гоголя, Казак Луганский у Дала и т. д.). «Русск. лит. т. II, сноска на стр. 542

Мелкопоместный дворянин, почти безвыездно живущий в деревне, отвыкший даже от людей (ср. «Выстрел»), почти ничего не читавший, совершенно оторванный от салонных и литературных споров, И. П. Белкин, естественно, нарушал всякие литературные запреты, ломал всякие теоретические преграды. Что не было «прилично» «молодой даме», то было вполне прилично Белкину. Ориентируясь на образ Белкина, Пушкин получал возможность строить язык художественной прозы на совершенно иной принципиальной базе, объединяя в единый, стройный поток русского литературного языка те языковые элементы, которые могли встречаться не только в речи «салона», но и в гораздо более мирной, демократичной среде.

VI

В «Повестях Белкина» можно найти многочисленные следы влияния на язык пушкинской художественной прозы языка Карамзина и его последователей. Например, вместо слова *крестьянка* Пушкин иногда употреблял слово *поселянка*: «Привыкнув не церемониться с хорошенькими *поселянками*, он было хотел обнять ее» (БК); пользуется эпитетом *любезный*, бывшим в большом ходу в произведениях Карамзина: «об нем-то намерен я теперь побеседовать с *любезными* читателями» (СС). В «Повестях» встречаются введенные в русский литературный язык Карамзина слова: *предмет*, *трогательный*, *влияние*: «разговор, наконец, коснулся *предмета* мне близкого» (В); «в самых *трогательных* выражениях» (М); «имели сильное *влияние* на молодые наши умы» (В). В духе Карамзина употребляются слова: *бедная*: «где некогда поцеловала меня *бедная* Дуня» (СС); *добрый*: «возвратимся к *добрым* ненарадовским помещикам» (М); *картина*: «представляла *картину* самую оживленную»; *развиваться*: «ум ее приметно *развивался* и образовывался» (БК)¹.

О слове *развиваться* Шишков шутил: «*Развивание* камни я понимаю, но чтобы постигнуть развивание понятий, признаюсь, что на этот раз ум мой не *развивается*» (290). Благожелательнее Шишков относился к слову *предмет*: «слово *предмет* хотя тоже есть новое и переводное... однакож оно довольно знаменательно, так что с успехом в язык наш принято быть может, но при всем том и оно часто заводит в несвойственные языку нашему выражения» (181).

Очень часто встречаются у Пушкина существительные на *ость*: *зудчивость*, *затруднительность*, *самобытность* и т. п. Это тоже одна из особенностей языка Карамзина. Недаром А. С. Шишков негодовал: «*Обработанность* — *обдуманность* — *начитанность*. — Помилуйте? Долго ли так писать? Неужели мы впоплуну думаем, что язык наш будет в совершенстве, когда мы из всех глаголов без всякого размышления и

¹ Где французы скажут *objet, goût, tableau*, там у нас должно говорить *предмет, вкус, картина*, немало не рассуждая, о том, хорошо ли и свойственно ли то нашему языку или нет, — возмущался А. С. Шишков («Рассуждение о старом и новом слоге». СПб., 1813, стр. 344)

разбора накропаем себе кучу имен» («Рассуждение о старом и новом слоге». Спб., 1813, стр. 206)¹.

В частности, с языком Карамзина роднят язык «Повестей» многочисленные заимствования из французского языка. Эти заимствования встречаются не только в пушкинской лексике и фразеологии, но и в синтаксисе. Заимствования в области лексики и фразеологии можно разделить на три основные группы: 1) собственно заимствования. Их немного; чаще всего — это бытовая терминология: *шандал, бостон, гранд-пасьян, мадам, дама* и т. п.; гораздо реже — отвлеченные понятия: *кокетство, романтический* и т. д.; 2) так называемые «кальки», т. е. неологизмы, созданные по соответствующему, чаще всего французскому, образцу: влияние — *influence*, предмет — *objet*, впечатление — *impression*, склонность — *inclinacion*, блистательный — *brillant*, самобытность — *individualité!* и т. п.; 3) употребление русских слов в переносном значении, свойственном по преимуществу французскому языку; *черта* (ср. круг переносных значений французского *trait*), *картина* (ср. франц. *tableau*), *развитие, развивать* (франц. *developpement, developper* и т. д., присутствие духа (*la présence d'esprit*), *делать вопрос, делать предложение, взять вид, сделать счастье и т. п.*

Как уже сказано, следы влияния французского языка можно отметить и в синтаксисе «Повестей». Так, обычно именно французским влиянием объясняют такие обороты в «Выстреле», как: «*имея право выбирать оружие, жизнь его была в моих руках*», «*пробегая письмо, глаза его сверкали*»². Французским влиянием надо объяснить в некоторых случаях наличие связки *есть*: «*приезд богатого соседа есть важная эпоха для деревенских жителей*» (В); «*звон колокольчика есть уже приключение*» (М).

Тем не менее язык «Повестей» принципиально отличается от салонного, «избранного» (как его называл сам Пушкин) языка Карамзина. Пушкин пользовался только теми свойственными Карамзину лексическими и фразеологическими средствами, которые ко времени работы Пушкина над «Повестями» прочно вошли в словарный состав литературного языка. Сам Пушкин новых слов не создавал и не переводил. Вследствие этого лексические элементы, которые у Карамзина имели стилистическое назначение, у Пушкина становятся обычно лишь средством общения. Так, одним из излюбленных эпитетов Карамзина является эпитет *нежный*: «*слезы нежной скорби*», «*нежная Лиза*» и т. п. Пушкин тоже пользуется этим эпитетом, но придает ему конкретное значение: «*дерн колот ее нежные ноги*» (БК). Эпитет *нежный* здесь мотивирован воспитанием Лизы Муромской и поэтому имеет совсем иной смысл, чем у Карамзина. Карамзин охотно рисует *печальную картину* кладбища. При описании кладбища в «Станционном смотрителе» Пушкин

¹ По словам В. В. Виноградова, «для конца XVIII — начала XIX вв. характерно распространение имен существительных на *ость*, производных от имен прилагательных (в соответствии с французскими суффиксами — *eté, abilité* («Язык Пушкина», 279).

² См., например, С. Д. Никиторов — «История русского языка», 1934, стр. 37.

тоже употребляет этот эпитет: «Отроду не видал я такого *печального* кладбища». Но употребление его мотивируется тем, что это было голое место, ничем не огражденное». Таким образом, и слово *печальный* тоже теряет тот стилистический, «чувствительный» оттенок, который оно имеет у Карамзина, получает, как говорит В. В. Виноградов, «иную тональность». Несомненно иное значение приобретает у Пушкина и слово *любезный*. У Карамзина — это эпитет, родственный по значению эпитету *чувствительный*: «В сей хижине лет за тридцать перед сим, жила прекрасная, *любезная* Лиза», «*любезная* дочь веселием своим развеселяла для нее всю натуру» и т. п. У Пушкина это или существительное в значении «*возлюбленный*» или эпитет в том значении, в каком он дожил и до нашего времени: «об нем-то намерен теперь я побеседовать с *любезными* читателями» (внимательными, вежливыми и т. п.). Стилистический оттенок, придаваемый этому слову Карамзиным, у Пушкина, таким образом, утрачен совершенно.

Пушкин не только изменяет стилистическую окраску многих элементов словаря Карамзина, но иногда и пародирует его стиль.

Так, один из обычных у Карамзина эпитетов — *прекрасный* — Пушкин вкладывает только в уста мальчишки, провожавшего дочь станционного смотрителя на кладбище: «*прекрасная* барыня», отвечал мальчишка». *Прекрасная*, конечно: ведь она дала мальчишке пятак. Герои Карамзина очень охотно плачут: плачет Лиза и часто без нужды, плачет ее мать, плачет Эраст, плачет Анюта и т. д. У Пушкина станционный смотритель тоже плачет: «Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами...», но, иронически добавляет Пушкин: «Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования».

Пародийный характер имеет, конечно, и письмо Марии Гавриловны (в «Метели») к родителям:

«Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой пошлук неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшей минутой жизни шепчет она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших ее родителей».

Его пародийный характер подчеркивается «тульской печаткой», на которой были два пылающие сердца с приличной надписью.

Жеманная, «чувствительная» фразеология Карамзина и его последователей («ах! она помнила, что у нее был отец...», «ах, Лиза, Лиза, что с тобою сделалось» — («Бедная Лиза»); «ах, не узнаете вы меня, места прелестные» — «Марьяна роща» Жуковского) была совершенно чужда Пушкину. Только в одном рассказе «Повестей» можно отметить случаи, когда фразеология Пушкина несколько сближается с фразеологией Карамзина — в «Барышне-крестянке»: «Мало-по-малу предалась она *сладкой мечтательности*»; имел сердце чистое, способное чувствовать *наслаждения невинности*», «золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как *царедворцы ожидают государя*», «наполняли сердце Лизы

младенческой веселостью». Но и эти места лишены самого главного в стиле Карамзина — подчеркнута чувствительности, т. е. именно жеманства.

Наконец, охотно пользуясь заимствованиями Карамзина, Пушкин в то же время отказывается от многих типических черт французской фразеологии и французских приемов сочетания слов, если ко времени написания «Повестей» в русском литературном языке существовали другие фразеологические и синтаксические эквиваленты. Так, встречающееся у Карамзина типично французское сочетание: сделать впечатление (faire une impression) у Пушкина заменяется «произвести впечатление» (ср. «маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня»). Несмотря на наметившееся ко времени Пушкина¹ расширенное употребление предложных сочетаний на месте более ранних беспредложных (сравни старо-славянский оборот *умер славе* и новый в эту эпоху — *умер для славы*)².

Пушкин очень часто удерживает беспредложные сочетания, несмотря на наличие французских параллелей предложного характера. Так, Пушкин пишет: *принадлежал нашему обществу* (В), а не *к нашему*, так как глагол *принадлежать* в его основном значении требует дательного падежа без предлога. В современном русском литературном языке в этом случае *принадлежал к нашему обществу* (в соответствии с французским appartenir), так как *принадлежать чему* употребляется только в конкретном значении. Подобным же образом глагол *достигать* Пушкин употребляет с предлогом *до*: «искусство, до коего достиг он» (В), тогда как соответствующий французский глагол употребляется без предлога (ср. attendre le but — достичь цели). Пушкин, таким образом, сохраняет более старое управление (именно это управление рекомендует Шишков: *достигать до чего, доходить до чего, доплывать до чего* (см. «Рассуждение о старом и новом слоге», стр. 186); глагол *касаться, коснуться* в «Повестях» встречается не только с беспредложным управлением: *касаться чего*: «Разговор между нами касался часто поединков»; «Разговор коснулся, наконец, предмета мне близкого» (В), но и с предложным: «что касается до меня» (СС), несмотря на то, что соответствующий французский глагол toucher имеет беспредложное управление: «cela ne me touche en rien».

Таким образом, Пушкин систематически преодолевает специфические черты салонного стиля Карамзина. Из всех рассказов, образующих «Повести», только один в известной мере стилистически близок Карамзину. Это — «Барышня-крестьянка». Отдельные места в нем по своей «тональности» очень напоминают Карамзина. В остальных же о влиянии Карамзина на «Повести» можно говорить лишь в той мере, в какой это влияние отразилось вообще на литературном языке эпохи.

¹ См. «Очерки по истории русского литературного языка» В. В. Виноградова, стр. 185—186.

² «Которое выражение лучше и справедливее, — спрашивал А. С. Шишков, — прежде ли, например, *он умер славе* или нынешнее: *он умер для славы*» («Рассуждение о старом и новом слоге». Стб., 1813, стр. 227).

VII

Преодоление специфических свойств салонного стиля Карамзина особенно ярко сказывается в широком проникновении в язык «Повестей Белкина» фактов так называемого «просторечия».

Обращение к «просторечию» было у Пушкина вопросом мировоззрения, вопросом о той социальной среде, к которой должно быть обращено творчество писателя. Пушкин, как и вообще вся литература того времени, выступил на литературном поприще как писатель для узкого дворянского круга. Но очень скоро это его перестало удовлетворять. В высшему обществу он стал противопоставлять хорошее общество, которое, по его словам, «может существовать и не в одном кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные» (Соч., т. V, стр. 125). Лучше всего это выражено в его заметке «О драме»:

«Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расина, — спрашивал он в этой заметке, — может ли отказаться от аристократических своих привычек, от своего разговора, размеренного, важного и напыщенно-благородного?.. Как ей обойтись без правил, к которым привыкла? Где, у кого выучиться наречию, понятному народу? Какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она себе созвучия, — словом, где зрители, где публика?» (Соч., т. V, стр. 145. Разрядка моя. — С. А.).

Мечтая выучиться «наречию, понятному народу», Пушкин, естественно, ставил вопрос о новых источниках обогащения и перестройки языка. К числу этих источников он относил в первую очередь язык народной поэзии и, как выражался «старинное просторечие». «В зрелой словесности, — думал он, — приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченными кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к старинному¹ просторечию» («Сочинения Пушкина», изд. Академии наук, т. IX, стр. 48).

Нужно заметить, что использование народно-поэтического языка и старинного просторечия в художественной литературе того времени имело место не у одного Пушкина. Даже Державин в последние годы своей жизни охотно обращался к языку народной поэзии. Однако это использование народно-поэтического языка и в особенности просторечия в литературе конца XVIII — начала XIX вв. было ограничено рамками определенных художественных жанров, относимых к так называемому «низкому стилю». Еще более была ограничена область применения просторечия в «условном», избранном языке Карамзина и его последователей (вспомним его рассуждение о *ничужеске* и *парне*). Даже случайно вкравшиеся в первое издание «Писем русского путешественника» «простонародные» слова Карамзин заботливо вычеркивал в последующих изданиях².

¹ В IX т. «Сочинений Пушкина», изд. Академии наук, напечатано *старинному*, П. Н. Сакулин (Русск. лит., т. II, стр. 551) читает *старинному*.

² Примеры см. в книге В. В. Виноградова «Язык Пушкина», стр. 206.

В противоположность Карамзину Пушкин «любил русское просторечие и старался подражать ему, где было возможно по условиям содержания» (Корш — «Разбор вопроса». «Изв. ОРЯС», 1889, кн. 2, стр. 492). Критика того времени часто ополчалась на него за попытки использования просторечия. В «Полтаве», например, по словам самого Пушкина, критикам показались «низкими, бурлацкими» даже такие слова, как *усы, визжать, вставай, рассветает, ого, пора* (Соч., т. V, стр. 133). Таким критикам Пушкин разъяснял: «Низкими словами я почитаю те, которые выражают низкие понятия, но никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения провинциальной чопорности из боязни показаться простонародным, славянофилом и т. п. (Соч., т. V, стр. 133).

В «Повестях Белкина» с их простодушным рассказчиком просторечие было необходимо как реалистическое средство характеристики образа. Поэтому неудивительно, что следов просторечия в «Повестях» особенно много.

Следует различать два вида просторечия: 1) разговорно-бытовой язык, составные элементы которого общеизвестны, но не приняты в качестве языка книги, вследствие того, что они отличаются нечеткостью в смысле следования нормам литературного языка или характеризуются (по содержанию или происхождению) бытовой грубостью; 2) социальные и областные диалекты, т. е. разговорный язык, составные элементы которого известны только отдельным группам говорящих. Оба эти вида просторечия встречаются в языке «Повестей Белкина».

В «Повестях Белкина», конечно, нет отображения какого-либо конкретного крестьянского говора с присущими такому говору особенностями фонетики, лексики и синтаксиса. Запись конкретного областного говора вообще редкость в художественной литературе. Такой записи обычно нельзя найти ни у Тургенева, ни у Толстого, ни у народников, ни у современных писателей (вроде Неверова, Сейфуллиной, Панферова и др.). Есть только немногие исключения, например, у Короленко, который в рассказе «Река играет» записывает ряд особенностей вологодско-вятских говоров; Шолохов, который в «Поднятой целине» с достаточной точностью представляет особенности одного из донских говоров. В языке художественной литературы обычно читатель встречает лишь своего рода условный крестьянский язык, — ряд фонетических и лексических особенностей, которые условно принимаются за крестьянский язык и с помощью которых писатель придает языку героев необходимый социальный колорит. Такой условный крестьянский язык находим и в «Повестях Белкина». Так, в «Барышне-крестьянке» в языке Лизы Муромской, которой по ходу действия необходимо подделываться под крестьянскую речь («А по-здешнему я говорить умею прекрасно»), встречаются слова: *вишь, баит, собаку кличешь, коли, взатравду*. В языке крестьян в «Метели» условный крестьянский язык создается словами: *что те надо, недалече, отколе, как у нас лошади, али, рассветет* (рассветает).

Кроме крестьянского языка, Пушкин в языке Насти в «Барышне-крестьянке» отмечает ряд особенностей языка лакейской: *извольте-с, по-*

ходите-с, воля ваша, а в языке работницы в «Гробовщике» дает яркую картину смешения языка лакейской с крестьянским языком и с элементами городского просторечия: *не с ума ли ты спятил, али хмель вчерашний еще у тя не прошел; завалился в постелю, вестимо так*.

Просторечие в «Повестях Белкина» наблюдается не только в языке действующих лиц, но и в авторской речи. Фактов просторечия особенно много в «Гробовщике», в «Метели», в «Станционном смотрителе».

1. «Г р о б о в щ и к е»

«Тошная пара в четвертый раз потащилась¹ с Басманной на Никитскую». «Он вздохнул о ветхой лачужке»². «Гости разошлись поздно и по большей части *навеселе*»³. «Когда заставлял их без дела *глазеющих* в окно», и «он надеялся *выместить* убыток на старой купчихе»⁴.

Кроме того, к просторечию надо отнести из «Гробовщика» глагол *сладить* («к вечеру все *сладил*») и *продратся* в значении: с трудом протолкаться, пройти («*маленький скелет продрался* сквозь толпу»); прилагательные *порядочный* в значении «довольно большой» («купленный им за *порядочную* сумму»); наречия *второпах* и *порядочно* в значении «достаточно» («*Второпах* не успел он его *порядочно* рассмотреть») ⁵.

2. «М е т е л ь»

«*Поестъ, попитъ, поигратъ* по пяти копейек в бостон⁷; *прочили ев за себя*»; «метель не *унижалась*»; слово *парень*, которое, как мы видели, Карамзин совершенно исключал из состава «избранного» языка, и, наконец, слово *мужик*, которое, хотя и было в эпоху Пушкина общеизвестным, но все же воспринималось, несомненно, как слово «низкое», «бурлацкое». Недаром оно попало даже в «Опыт русского простонародного словотолковника» Макарова (Чтения в Обществе истории и Древностей российских», 1848, № 9, стр. 278).

3. «С т а н ц и о н н ы й с м о т р и т е л ь»

«И продолжал *пошептом* читать мою подорожную⁸, «бросил их *на земь*», «*вытянуть*» в значении *вынуть* («вытянул он пять стаканов»),

¹ Принадлежность глагола *потащиться* к просторечию засвидетельствована «Общим церковнославяно-русским словарем», составленным П. С. (Соколовым). Спб., 1834, т. II, стр. 713.

² В словаре П. С., *лачужа* (простовар.) — худая хижина (т. I, стр. 1297).

³ В словаре П. С.: *навеселе* — наречие, употр. в просторечии (т. I, стр. 1489).

⁴ Ср. Виноградов — «Язык Пушкина», стр. 444.

⁵ Опыт русского простонародного словотолковника Макарова «Чтения в Обществе истории и древностей российских» 1848, кн. V.

⁶ В словаре П. С. слово *порядочный* дается только с двумя значениями: 1) «*хорошо расположенный, правильный*», 2) «*исправный, следующий правилам нравственности*» (т. II, стр. 686). Значения «*достаточно*» здесь нет. Именно это обстоятельство заставляет думать, что слово *порядочно* в значении «*достаточно*» тоже принадлежит к просторечию.

⁷ Ср. словарь П. С., т. II, стр. 666.

⁸ См. Будде — «Опыт грамматики языка Пушкина». Вып. I. Спб., 1904, стр. 25.

а также ряд фразовых сочетаний: «хлопнул двери ему *под нос*», «как будто *век* были знакомы», «ни жив ни мертв», «об ней нет ни *слуху* ни *духу*», «*покою* ни днем ни ночью».

Черты «просторечия» можно частично отметить и в грамматике языка «Повестей».

1) И до сих пор остается «просторечною» встречающаяся в «Повестях Белкина» форма *волоса*: «*волоса* стали на мне дыбом» (В).

2) Е. Ф. Будде («Опыт грамматики», вып. I, стр. 25) относил к числу «русских, даже народно-русских слов и форм» твердое склонение во множественном числе слова *сосед*, которое в «Повестях» встречается постоянно: «по усердию *соседов*» (БК) «близких *соседов* около меня не было» (В), «с некоторыми *соседами*», «*соседы* дивились ее постоянству» (М). Твердое склонение во множественном числе слова *сосед* однако уживается в «Повестях Белкина» с мягким: «*Соседи* постоянно ездили к нему» (М)¹.

3) В. В. Виноградов относит к «просторечию» многократный вид глаголов («Очерк», 146). Ср. в «Повестях» «*бирал* я с бою», «*не жила* в деревнях».

4) К «просторечию» относят также встречающиеся в «Повестях Белкина» случаи употребления в родительном падеже единственного числа существительных 2-го склонения окончания *-у*, вместо *-а*².

В «Повестях» это окончание встречается довольно часто: «В тридцати шагах *промаху* в карту не дам» (В); «летели белые хлопья *снегу*» (М); «часто *бирал* я с бою...», «я предложил стакан *пуншу*, «нет ни *слуху*, ни *духу*» (СС); «от *ушибу* не был он в состоянии доехать...», «*не до смеху* было чопорной англичанке» (БК). Ср. также некоторые наречия: «От *роду* не встречал» (В); «*час от часу*» (М); «без *умолку* шутил» (СС).

Однако, употребление окончания *-у* в «Повестях Белкина» не представляется достаточно устойчивым. Рядом с *у* в совершенно аналогичных случаях встречается и *а*: «деньги, которым не знал он *счета*» (В); «не имел *духа* отвечать на вопросы», «которые мы без *смеха* донныне слышать не можем» (Г); «*покою* ни днем ни ночью» (СС); «успела оправиться от *истуга*», «доехать до *дома*» (БК).

Неустойчивость употребления окончания *-а* и *-у* в родительном падеже единственного числа проявляется с еще большей яркостью, если сравнить с «Повестями Белкина» другие произведения Пушкина. Оказывается, что даже в одном и том же слове можно найти у Пушкина и *-а* и *-у*. Так, в предисловии к «Повестям Белкина» «От издателя» находим форму *росту* («был *росту* средняго»); в «Дубровском» — *роста*. Рядом с формой *покою*, по словам В. А. Малаховского, встречается и форма *покою* и т. д.

Колебания в употреблении окончаний *-а* и *-у* в языке Пушкина надо объяснить тем, что 30-е годы XIX в. были временем, когда грамматическая нормализация русского языка далеко еще не закончилась. Решение

¹ Если только можно верить точности морозовского издания.

² Е. Ф. Будде категорически утверждает, что это окончание проникло «в литературный язык из народного». См. «Очерк истории русского литературного языка» в XII т. «Эпн славян. фпл». СПб, 1908, стр. 92.

вопроса, что написать в том или ином случае в конце существительного мужского рода в родительном падеже единственного числа, таким образом, фактически было предоставлено самому пишущему.

Отношение отдельных писателей к окончанию *-у* было различно. Одни избегали этого окончания, другие, наоборот, употребляли его очень часто (например, Крылов). Известны насмешки Белинского над Сенковским за его пристрастие к окончанию *-у*. Пародирова Сенковского, Белинский писал: «Мне кажется, что я уже слышу громкий хохот ее бешеного *восторгу*, оттого, что в поэме нет никакого *размеру*, а может, и от смелной претензии пыхлящего *рецензенту* преобразовать правописание *языку*, который чужд ему и которого *духу* он совсем не знает». Но и сам Белинский употребляет формы на *-у* очень часто: *без пылу, от жару*, ложка поэтического *меду*, со *смеху* и т. п. (См. ст. В. А. Малаховского «Значение Белинского в истории русского литературного языка». «Русский язык и литература в средней школе», 1935, № 1, стр. 19).

Пушкин формами на *-у* пользовался, в сущности, значительно реже других писателей. В тех случаях, где он писал *-а*, в языке других писателей очень часто можно найти *-у*, например, у Пушкина — *покою*, у Тургенева — *покою* («не давал ей *покою*»), у Пушкина *счета*, у Ломоносова, Сумарокова, Крылова, Некрасова — *счету*, у Пушкина — *духа*, у Гоголя, Крылова, Гончарова, Некрасова, Островского, Аксакова — *духу* и т. д.¹

Однако в современном русском литературном языке употребление окончания *-у* еще реже, чем даже у Пушкина. Такие случаи, как *ушибу, промаху, тунишу*, в современном литературном языке обычно не встречаются. По словам С. П. Обнорского, формы на *-у* вообще убывают по мере приближения к нашему времени («Именное склонение», т. I, стр. 103). Тем не менее иногда в «Повестях Белкина» встречаем *-а* и там, где даже в современном литературном языке удержалось *-у*: *до дому* (в «Повестях Белкина» — *до дома*), *покою* (в «Повестях Белкина» — *покою*).

В «Повестях Белкина», в языке которых просторечие вообще играет, как мы видели важную роль, формы на *-у*, естественно, воспринимаются, особенно читателем нашего времени как одно из проявлений просторечия, тем более, что в современном русском языке формы на *-у* в книжном литературном языке встречаются реже, чем в разговорно-литературном и чем в областных южнорусских говорах. Но и для самого Пушкина, как и для читателя его времени, эти формы, в сущности, были за пределами просторечия (Ср. Виноградов — «Очерки», стр. 145).

VIII

Наконец, в языке «Повестей Белкина» надо отметить ряд архаизмов, которые, как и просторечие, также разрушали структуру салонного языка Карамзина.

¹ См. Обнорский — «Именное склонение в русском языке», т. I, стр. 117, 135, 185 и др.) и Чернышев — «Правильность и чистота русской речи», вып. 2. Спб, 1915, стр. 21).

С точки зрения современного русского литературного языка архаизмов в языке «Повестей Белкина», конечно, очень много. Среди них надо прежде всего отметить архаизмы лексического порядка.

1) Слова и обороты, уже не существующие в современном языке. Сюда нужно отнести: а) устарелые названия лиц по должности, общественному положению: *станционный смотритель*, *портёр* (карточный термин), *капитан-исправник*, *будочник*, *холоп*, *наперсница* и др.; б) названия предметов или явлений, уже не употребляющихся в настоящее время: *подорожная*, *ассигнация*, *полушаганское*, *секира*, *постой* («наградить за постой»), *ботфорты*; в) слова, принадлежащие высокому стилю и потому в процессе исторического развития языка заменившиеся их синонимами: *отрок*, *телец*, *злобствовать* (сердиться), *предаться* (довериться), *трагедия*, *сетование* (печаль), *долженствовать* (являться обязательным и т. д. Сюда, в частности, относятся некоторые союзы и местоимения: *сей*, *оный*, *кой* (который), *дабы*, *токмо*.

2) Слова и обороты, употребляющиеся в настоящее время: *драться* (в значении «биться на дуэли»), *положить* (в значении «решить, поставить»), *соображать обстоятельства* (обдумывать), *возразить* (ответить), *пакет* (в значении «конверт»), *тележка* (в значении «экипаж»), *печатка* (печать), *лекарь* (доктор), *трактир* (в значении «гостиницы для приезжающих»), *пистолет* (в современном языке пистолет — только детская игрушка, *нечаянно* (вм. современного «случайно»), *загнуть угол* (карточное выражение), *разрешить молчание* (заговорить).

3) Слова, существующие и в современном языке, но с иным произношением или с изменившимся этимологическим составом: *воздыхать*, *соделаться*, *вотрошать*, *мечтание* (мечты), *особливо*, *небрежение* (пречребрежение), *осьмнадцатъ*, *таковой* и др.

Встречаются у Пушкина также архаизмы грамматического порядка:

а) Морфологические: склонение слов третьего склонения по типу первого («солнце давно уже освещало его *постелью*»), формы деепричастий на -д: *нашед*, *вошед*, *пришед*; некоторые формы деепричастий на я, например: «Гаврила Гаврилович скончался, *оставя* ее наследницей всего именья» (М).

б) Синтаксические: 1) двойной винительный: «нашли его на дворе, *сажающего* пулю в пулю в туза (В), «заставал их без дела *глазующего* в окно» (Г), «нашел он молодого человека почти без памяти *лежащего* на лавке» (СС). Однако рядом с двойным винительным находим у Пушкина и более новое управление — с творительным: «полагали нового товарища уже *убитым*» (В) 2) употребление plusquam perfectum «это — было чрезвычайно повредило...» (В); 3) согласование с собирательными во множественном числе: «*малое* число книг, найденных мною под шкафами и в кладовой, были вытвержены мною *наизусть*» (В); 4) согласование с титулами во множественном числе: «ваше сиятельство не попадете в карту и в двадцати шагах» «ваше сиятельство стало быть знали его?» (В); 5) преобладание в качестве присвяточной части составного сказуемого

существительного в именительном падеже: «в самом деле она была красавица», «мы были с ним приятели» (В); «предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик...» (М). «Алексей был в самом деле молодец» (БК). Впрочем, встречается иногда в этом случае и творительный падеж: «Некогда был он ужасным повесою» (М); 6) некоторые случаи управления: «какой-то вид из Швейцарии» (В), «ему до меня есть дело» (В), «казался нрава тихого» (М); 7) некоторые случаи употребления союзов в сложных предложениях: как скоро: «но как скоро начинало смеркаться, я совершенно не знал, куда деваться» (В); как — в причинном и временном значении: «и как (так как) гости пошли за стол, то они сели вместе», «на дворе было еще темно, как (когда) Адриана разбудили»; дабы вместо чтобы.

Многое из того, что современный читатель в «Повестях Белкина» воспринимает как архаизмы, в эпоху Пушкина архаическим не было. Такие, например, термины, как *подорожная*, *капитан-исправник*, *загнуть угол*, *прометать банк* и т. д., называли явления современного Пушкину быта и поэтому, конечно, отнюдь не были архаизмами. Не были архаизмами и некоторые грамматические явления, например, согласование во 2-м лице множественного числа с титулами.

Однако многие особенности и лексики и грамматики языка «Повестей Белкина» были архаическими даже и для своего времени. Устаревшим в 30-х годах XIX в. было, например слово *наперсника*, которое встречается в «Барышне-крестянке», устарели некоторые славянизмы, например, *соделалась*¹, союз *дабы*, местоимение *оный*, наречие *только* и др. Устарело ко времени Пушкина употребление двойного винительного, *plusquamperfectum*'а деепричастий на *я* (ко времени Пушкина форма деепричастий на *я* сокращаются в числе, замыкаются в строго определенные грамматические рамки и во многих случаях замещаются образованиями на *ь* и даже *вши*. Н. И. Греч писал: «В глаголах предложных деепричастия производятся от прошедшего, а не от будущего совершенного времени, т. е. должно говорить и писать: *посадив*, а не *посады*, *вынесши*, а не *вынеся*». Согласование с собирательными во множественном числе ко времени Пушкина тоже уже устарело. Такое согласование весьма часто встречалось в древнерусском языке, например, в Лаврентьевской летописи: «Кде *суть дружина* наша; а *дружина* сему *смеятися начнут*». Но к началу XIX в. уже утвердилось обычное в современном русском языке согласование².

Впрочем, такое согласование и до сих пор встречается в просторечии и, следовательно, может рассматриваться в то же время как один из фактов влияния на язык «Повестей Белкина» просторечия.

Говоря об архаизмах в языке «Повестей Белкина», необходимо также остановиться и на вопросе о славянизмах. Проф. Карский высказал мнение, что «проза Пушкина совершенно свободна от церковно-славянской

¹ Будде указывает это слово в ряде журналов конца XVIII в. См. его «Очерки» в «Энцикл. слов. фил.», т. XII, стр. 31.

² Ср. В. В. Виноградов — «Очерки», 233—234.

³ Ср., например, основное правило согласования глаголов с существительными в академической «Российской грамматике», 1802, стр. 231.

стихий как по лексическому составу, так и в отношении расположения слов, а тем более в формах («О влиянии поэтической деятельности Пушкина на развитие русского литературного языка», «Русск. фил. вестник», 1899, № 3—4, стр. 207). В «Повестях Белкина», однако, мы находим целый ряд церковно-славянизмов, например: *воздыхание, восторжествовать, ограждающий, вопрошает, сострадание, обитель, рубище, блудный сын, небрежение, сребролюбивый, «и обретох яко се добро есть»*. Особенно много церковно-славянизмов в «Станционном смотрителе» при описании картинок, изображающих историю блудного сына. Много церковно-славянизмов также в «Выстреле». Ко времени написания «Повестей Белкина» Пушкин уже отказался от своего прежнего отрицательного отношения к церковно-славянизмам. По словам В. В. Виноградова, «церковно-славянский язык с середины 20-х годов все глубже и глубже осознается Пушкиным как живой элемент истории русского литературного языка и, следовательно, как источник национально-языковых красок в стиле исторического повествования и изображения («Язык Пушкина», стр. 137).

Однако, в «Повестях Белкина» церковно-славянизмы очень часто имеют особое назначение: они являются одним из средств пушкинской иронии, очень богато представленной в «Повестях». Ироническим является использование церковно-славянской цитаты в «Выстреле»: «укротил я вечер и прибавил долготы дней, и *обретох, яко се добро есть*». Такое же назначение имеет церковно-славянская цитата и в «Барышне-крестьянке»: «...навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы. *Сие да будет сказано не в суд и не во осуждение*». Оттенок тонкой иронии пронизывает и первые страницы «Станционного смотрителя». «Что такое станционный смотритель? *Сущий мученик* четырнадцатого класса, *огражденный* своим чином *только* от побоев». Иронический характер этих строк создается сопоставлением торжественных церковно-славянизмов с обыденными бытовыми представлениями: *четырнадцатого класса, своим чином от побоев*.

Таким образом, церковно-славянизмы в «Повестях Белкина» далеко не всегда воспринимаются даже и современным читателем как архаизмы: ироническое их использование вполне возможно и в литературе наших дней.

IX

Подведем итоги.

1. Ф. Е. Корш в своем «Разборе вопроса о подлинности окончания «Русалки» назвал «Повести Белкина» безразличными со стороны языка произведением («Изд. отд. русского языка и словесности (ОРЯС)» 1898, ч. 3, стр. 697). Это неверно. «Повести Белкина» были первым законченным опытом Пушкина в прозе. Поэтому языку «Повестей Белкина» Пушкин уделял особенно большое внимание. Не только «Повести Белкина» в целом, но и каждый отдельный рассказ имеет свое языковое лицо: в «Барышне-крестьянке» особенно подчеркнуты черты «условного» салонного языка, введенного Карамзиным:

в «Выстреле» и «Станционном смотрителе» сильнее, чем в других, архаическая струя в языке Пушкина; в «Гробовщике» и в «Станционном смотрителе» очень много следов просторечия. Наконец, «Метель», последняя по времени из всех «Повестей Белкина», является как бы синтезом всех исканий Пушкина в области языка прозы.

2. Общей задачей «Повестей Белкина» в языковом отношении было — преодолеть ограниченность, условность и вычурное жеманство языка Карамзина и его последователей, сделать и язык орудием реалистического письма. Этому Пушкин добивался путем синтеза всех тех элементов, которые могли быть использованы как материал для создания языка реалистической прозы. Пушкин одинаково не отказывался ни от нововведений Карамзина, если считал их полезными, ни от архаизмов, ни от просторечий: «Истинный вкус, — утверждал он, — состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (Соч., т. V, стр. 53).

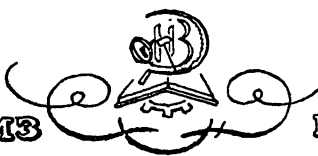
ЖУРНАЛ „РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ“

СТИЛЬ И ЯЗЫК
А. С. ПУШКИНА

(1837 - 1937)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. Н. А. АЛАВЕРДОВА

УЧПЕДГИЗ МОСКВА
1 9 3 7